

Психология личности: между теорией и практикой

С. В. Сивуха

Введение

Во второй половине XX в. гуманитарные науки изменились до неузнаваемости. Они переключились с изучения культуры, языка и сознания на их активное изменение и конструирование. Мир переполнился версиями, границы были стерты, жанры смешаны, проблемы вывернуты, все поставлено под сомнение, а слова в гуманитарных текстах сделались беззащитно счастливыми. Психология оказалась на обочине этого движения и обеспокоилась своей провинциальностью. Первой реакцией стало привычное требование – избавить психологию от естественнонаучного налета, как если бы эти призывы не звучали постоянно с момента дисциплинарного обособления психологии и как если бы альтернативные варианты¹ не были уже созданы глубинной, гуманистической, экзистенциальной, феноменологической и конструктивистской психологиями. Радикально настроенные авторы стали экспериментировать с текстами в постмодернистской манере – писать стихообразно, столбиком, создавать поэтическую антропологию, играть метафорами, комментировать комментарии к комментариям, играть с текстом. Ряд психологов избрал себе в качестве узкой специализации непрерывную констатацию кризиса в психологии, а в поисках продуктивных идей обратился к философии.

Автор полагает, что успехи психологии в прошлом столетии внушительны, хотя и не могут идти ни в какое сравнение с достижениями генетики или компьютерных наук. Практичность академической психологии удостоверяется каталогами крупных издательств. Тысячи авторов зарабатывают на жизнь, издавая конспекты психологических монографий под специфическими названиями: "Семь способов сохранения семьи" или "600 надежных способов как преуспеть в жизни". И потому психологии нет нужды вторить наукам, единственной заботой которых является текст и его бесконечные трансформации, – хотя бы потому, что психология имеет дело, прежде всего, с затекстовой реальностью, поведением. Не следует подражать и той науке, которая видит свою миссию в формулировании предельных вопросов и в приближении к первым истинам человеческого бытия, поскольку психология приземлена и обременена повседневностью и несет особую ответственность перед своими реальными и вымышленными потребителями. Формулирование духовных учений есть удел иных областей знания. Относясь с большим и откровенно корыстным интересом к философской критике, а также к идеям развития иных, гуманитарных проектов в психологии, автор скептически воспринимает пафос этой критики. Самый пристрастный взгляд не позволяет усмотреть каких-либо серьезных препятствий альтернативным начинаниям. До сих пор, однако, все подобные усилия в совокупности дали значительно меньший эффект, чем результаты, полученные в позитивистской традиции. Вернее, подлинным и главным эффектом этих усилий были глубокие изменения внутри традиционной психологии, сделавшие ее *постпозитивистской наукой*.

¹ неестественно-научные? естественно-ненаучные?

Эта глава посвящена методологии исследований в области психологии личности. Как и другие строго консервативные работы, она дает упрощенный, выгодный автору взгляд на существо методологических споров внутри и по поводу психологии. Путем простого подбора удобных для него ссылок на литературные источники, недоговаривания и искусного замалчивания действительно острых вопросов, автор пытается создать о современной психологии впечатление успешного и практичного предприятия. Затем автор извлекает старую идею о поведенческой направленности психологии и приписывает последней свои собственные постпозитивистские идеалы. Далее следуют сокрушения по поводу неготовности академической поведенческой науки манипулировать поведением, а сама эта неспособность объясняется отчасти несовершенством методологии исследований, отчасти – сопротивлением неблагодарных испытуемых, а отчасти – устройством мира. В целом литературный обзор призван убедить читателя в том, что другие исследователи шли по ложному пути, сами того не понимая. В соответствии с требованиями постпозитивистского жанра, глава завершается изложением собственного показательного эмпирического исследования, которое, по замыслу, должно иметь большой обучающий эффект. А теперь обо всем по порядку.

Очередной крах академической психологии...

Самая острая критика современной академической позитивистски ориентированной психологии исходит не от противоположного научного лагеря, не от феноменологии, а со стороны более широкого и размытого культурного течения – *постмодернизма*. Именно постмодернисты констатируют уход психологии со сцены оживленных культурных и социальных дискуссий. С. Квале рисует печальную картину постепенного угасания академической психологии². Как будто бы никто не ждет больше от нашей науки острых наблюдений, открытий, парадоксов и полезных теорий. Крупнейшие научные фонды не упоминают психологию среди дисциплин, достойных финансовой поддержки. В магазинах книжные полки с литературой по специальности напоминают пыльную провинциальную библиотеку. Речь идет о настоящем кризисе, о крахе академической психологии. С. Квале убежден, что психология как дитя модерна, впитавшее идеи эпохи Просвещения, по-прежнему лелеющее наивную надежду на неуклонный социальный прогресс и развитие знания, обречена либо умереть (если не захочет измениться), либо использовать отработанные, побывавшие в употреблении идеи, либо покорно встраиваться в свободные научные ниши, либо решительно *покончить с археологическими изысканиями психе* и усвоить взгляды и ценности постмодернизма.

Манифесты постмодернизма обычно начинаются с ниспровержения позитивистской научной традиции и с провозглашения новой эпистемологии. В несколько карикатуризованном виде объект критики – взгляды позитивистов – можно представить следующим образом. Позитивисты убеждены в существовании единого объективного мира и единой истины. Они видят задачу науки в открытии этой истины, в постепенном приближении к ней, в формулировании универсальных законов; успех на этом поприще есть вопрос времени. Миссией науки является служение прогрессу, неуклонному и поступательному развитию. Подлинно научное исследование лишено пристрастности и свободно от индивидуальных ценностей, а результат исследования объективен и не зависит от ученого. Язык, к которому исследователи прибегают для описания результатов, подобен совершенному зеркалу, отражающему реальность. Доминирующим методом исследования является дедукция, проверка теорий.

Крах позитивизма в гуманитарных науках подробно и с большим вкусом задокументирован философами Ж.-Ф. Лиотаром, Ю. Хабермасом, Ж. Деррида,

² Kvale S. (Ed). Psychology and postmodernism. Sage Publications, 1992.

психологами К. Джердженом, Я. Поттером, Р. Харре и мн. др. Критический анализ позитивизма можно также найти и в этой книге, в главах, написанных Г. М. Кучинским и А. А. Полонниковым.

Убеждения постмодернистов неоднородны, однако для простоты изложения их можно представить как набор антитез позитивизму. Прежде всего мыслители нового поколения ставят под сомнение познаваемость и даже существование объективной реальности. Вернее, ее существование рассматривается как одна из забавных, но бесполезных гипотез. Отвергается существование единой истины. Ее место занимает множество частных, локальных, культурно и ситуационно-специфичных, субъективных истин. Другими словами, может быть высказано все, что кажется правдоподобным в данной культурной ситуации. У науки нет средств для обнаружения всеобщих истин, даже если бы таковые существовали. Исследователи не должны гоняться за скрытыми, прямо не наблюдаемыми универсальными свойствами и структурами; удел ученых – заведомо фрагментарно описывать наблюдаемое, то, что проявляет себя на поверхности. Исторический прогресс является фикцией – в каждой эпохе есть своя логика, своя ценность, свои преимущества и проблемы. Изучаемая реальность не может рассматриваться как независимая от исследователя, она не может быть очищена от его ценностей и пристрастий. В этом смысле существование "объективных" фактов, свободных от влияния теорий и ученых, является вымыслом. Язык не является нейтральным средством отражения реальности, он, скорее, создает мир в дискурсивных практиках: язык располагает нами для конструктивных целей. Постмодернизм склонен пренебрежительно относиться к эмпирике, но если фактический материал все же используется (например, для иллюстрации), господствующие в данном культурном контексте теории должны подавляться, а обобщения конструироваться индуктивно.

Многие положения этого нового мировоззрения сформулированы от противного, в пику ценностям модерна, и создают впечатление негативной эпистемологии в том смысле, что отказывают в существовании каким-либо "объективным" формам обоснования полученных знаний. Но речь идет не о полном нигилизме, не об отсутствии веры в некоторые, пусть временные, рабочие, но все же истины. Иначе трудно было бы понять пылкость книг и воинственность методологических семинаров. Многие постмодернисты принимают предположение о ситуативном, локальном релятивизме. Идеи могут приниматься как заслуживающие доверия, если их "естественные", исторически принятые, оболочки сняты, а процесс субъективной интерпретации излагается прозрачно для публики.

Разумеется, для понимания предыдущего текста необходимо сделать поправку на традиционную постмодернистскую риторику. Ниспровергатели старых истин вынуждены вести себя задиристо. Тем не менее психология может и должна извлечь уроки из философской и методологической критики. Важнейшие философские, культурологические и феминистские тексты совершенно необходимы для полноценного психологического образования. Лиотар, Деррида, Фуко должны быть включены в традиционные университетские курсы.

Для психологии чрезвычайно важна идея *социальной обусловленности и исторической локальности знания*. Отечественная академическая психология по определенным историческим причинам в значительной степени была и остается догматичной. Она защищает себя ссылками на авторитеты, бережным цитированием освященных классиков; слепой верой в "экспериментальные данные", в корреляции и факторы; жесткостью институционализированных предписаний, воплощенных в правилах защиты диссертаций и государственных выпускных экзаменов, в унифицированных программах кандидатских экзаменов, в странном акценте на нормативное формулирование предмета и объекта исследования и пр. Не ставятся под сомнение форма

и жанр научных работ: студент непременно должен опросить две группы по 30 человек каждая, дипломник – по 50, диссертант – по 200. На основе этих данных необходимо рассчитать корреляции, а еще лучше – извлечь (куда? зачем?) факторы.

Анекдотично, что многие западные источники, переведенные на русский язык, также получили статус незыблемых авторитетов независимо от качества культурного перевода, т. е. передачи не слов, а коннотаций³. Мы принуждены принимать на веру содержание, транслируемое западной психологией. Постмодернистское влияние способно и должно разрушить этот догматизм и поставить под сомнение универсальные закономерности, излагаемые в наших и зарубежных авторитетных источниках. До сих пор в постсоветских странах предпринимались лишь единичные попытки перепроверки теорий, разработанных в западной психологии.

Еще один важный урок состоит в том, что постмодернисты решительно переосмыслили понятие *рациональности* за счет включения в нее аксиологического и эстетического содержания, за счет "децентрации" просвещенческого человека как центра Вселенной. В психологии этические аспекты приняли форму технологических и процедурных предписаний по проведению эксперимента, психотерапевтической сессии и т. д., как если бы "информированное согласие испытуемого" освобождало психолога от множества других форм социальной и гуманитарной ответственности. (Уместно напомнить, что в Беларуси этический кодекс психолога не был принят, так что мы процедурно свободны делать все, что вздумается). В этом контексте постмодернистская идея о необходимости дать возможность высказаться "молчащим голосам", депривированным и дискриминированным социальным группам и индивидам звучит революционно. Сегодня ученый-психолог, использующий "испытуемых" для написания статей, зловещим образом напоминает белого колониального этнографа первой половины XX в., который изучал примитивные культуры с высоты своей собственной цивилизации и культуры, принимаемой за образец. Психологи должны быть обеспокоены вопросами социальной ответственности.

Следовало бы также сказать о приоритете, который постмодернизм отдает "*знаниям о том, как*" (технологиям, практикам) перед "*знаниями о том, что*" (теориями, законами). Валидность результатов всегда имеет подчиненное значение, важнее то, как можно использовать полученные результаты, какую социальную или индивидуальную проблему можно решить с их помощью. Сегодня исследования в психологии часто заканчиваются поиском их практической значимости, тогда как они должны начинаться с заботы о решении острых социальных проблем.

Наконец, постмодернизм растворяет предмет исследования и размывает *границы между дисциплинами*. Многие из нас на своем опыте убедились в том, что соседние области знания являются богатым источником творческих идей, смыслов, метафор, технических трюков. Одним из самых интересных, парадоксальных и перспективных для социальной психологии источников идей является современный феминизм. Однако часто приходится слышать пренебрежительные отзывы о работах психологов, использующих знания пограничных областей: это, дескать, философия или вовсе социология. Замкнутость современной психологии на собственной тематике и собственных проблемах, ее непроницаемость для "иностраных" идей способствуют перманентному предкризисному состоянию нашей науки.

³ Новая психологическая реальность успешно создана переводчиками в российском издании учебника Д. Майерса "Социальная психология" (СПб.: Питер, 1997): "ошибка хиндсайта", "эффект ссылки на себя", "предрасположение в пользу своего Я", "прайминг", "доступность эвристики" (вместо "эвристика доступности"), "глюко-кортикоидная реакция" (вместо "балла по тесту GRE") и т. д. Переводы психотерапевтической литературы способны доставить внимательному читателю еще большее удовольствие.

Как следует из этого сопоставления модернизма и постмодернизма, современная академическая психология с ее ориентациями на полноту, точность и доказательность знания о человеке близка к тому, чтобы стать застывшей провинциальной наукой. В таком качестве она должна быть разрушена, и эту работу делают критические тексты, написанные непсихологами независимо от нашего желания.

И тем не менее именно этот старый, разрушаемый образец психологии я намерен далее защищать в этой главе.

... и расцвет психологии практической

Печальная картина будущего нарисована С. Квале только в отношении академической психологии. Что касается психологической практики, она не только не сдает своих позиций – она процветает и экспансивно расширяется. Если к 60-м гг. широкая публика усвоила только жаргон тестирования общих способностей, язык традиционного психоанализа, персонифицированного в З. Фрейде, да еще отдельные ярлыки вроде "комплекса неполноценности" (в данном случае уже вне связи с автором), в 80-х гг. психотерапевтические услуги стали приметой повседневности в большинстве развитых стран, во многих странах приняты законы о психотерапии, психологи все чаще используют телевидение и радиовещание, газеты ввели специальные колонки вроде "Советует специалист", популярные журналы стали печатать тесты, политики включили психологов в избирательные команды, расхожий жаргон НЛП усвоили специалисты по рекламе и коммивояжеры, а широкая публика заговорила на языке психологов.

В бывшем Советском Союзе психотерапия превратилась в самую популярную сферу занятий внутри психологической профессии, привлекающую людей, не получивших специального образования. Возникло множество институтов, передающих "живое знание" в форме стационарных и выездных семинаров. Гонорары ведущих психотерапевтов значительно превысили зарплаты руководящих академических работников. Легко убедиться, что большинство заявленных в Интернете российских конференций и публичных акций в психологии связаны с психотерапией.

Д. Полкинхорн считает, что расцвет психологической практики связан с интуитивным освоением ею постмодернистской эпистемологии⁴. Хотя под практикой он понимает лишь психотерапию, последняя может рассматриваться как прототип для целого класса подобных практик (о видах практик см. главу Г. М. Кучинского в этой книге). Ключевыми положениями этой новой практико-ориентированной эпистемологии Полкинхорн считает отсутствие обоснований (*foundationlessness*), фрагментарность, конструктивизм и неопрагматизм. Размышления автора интересны и небеспопеченны.

Человек не может покинуть реальность, создаваемую языком и культурой, чтобы проверить ее валидность, – не может покинуть текст. Современная наука и практика не в состоянии предложить бесспорные средства для доказательства достоверности теорий и моделей. Поэтому психотерапевты *отказываются от попыток обоснования знаний* и опираются на свои собственные "интерпретативные схемы", свой опыт. Теории, несовместимые с точки зрения академической психологии, используются как равноправные продуктивные метафоры. Опыт психотерапевта представляет собой собрание выработанных ранее интерпретаций взаимодействий с клиентами и их историями, т. е. интерпретацию интерпретаций. Психотерапевтам вообще не интересно, победит ли в будущем феноменологическая или позитивистская психология.

Фрагментарность знаний предопределена тем, что события являются функцией времени и места, и поэтому интерпретации этих событий всегда локальны. Мы не можем

⁴ Polkinghorne D. E. Postmodern epistemology of practice // Kvale S. (Ed). Psychology and postmodernism. – Sage Publications, 1992. Pp.146-165.

извлекать уроков из прошлого, поскольку каждая новая ситуация требует своего "урока". Лоскуты интерпретаций не могут создать целостную картину мира. Опыт клиентов, видение ими своей жизни и своих проблем также фрагментированы. Рассуждения обычных людей не могут быть представлены в схемах формальной логики.

Принцип *конструктивизма* означает признание того, что "мир" создается когнитивными процессами и языком. Поскольку средства для проникновения за видимость, за поверхность отсутствуют, мир есть не что иное, как совокупность переживаний, частных интерпретаций. Знания психологов, если отвлечься от заученных и бесполезных фактов, представляют собой собрание случаев, их активных интерпретаций и обобщений.

Наконец, принцип *неопрагматизма* оправдывает использование любых этически дозволенных средств, методов, теорий, если они приводят к желаемому и социально одобряемому результату. Единственной мерой ценности знаний является их практическая польза. Приставка "нео" добавлена для того, чтобы отличить эту форму прагматизма от одного из направлений американской философии, в которой идеи необоснованности, фрагментарности и конструктивизма не обсуждались. Как показывают многие оценочные исследования, проведенные с использованием методологии метаанализа, принадлежность к школе, различия в идеологии, выбор форм, варьирование продолжительности психотерапии несущественно влияют на конечный результат. Работа психотерапевта становится эклектичной (в данной книге эту тему обсуждает Е. И. Крукович).

С точки зрения Д. Полкинхорна, психотерапия может рассматриваться как прецедент и образец постмодернистских изменений в психологии. И поскольку эта практика успешно развивается, вероятно, следует серьезно отнестись к проектам эклектического и практико-ориентированного психологического образования, без так называемых фундаментальных дисциплин. Есть, правда, целый ряд сомнений, и не только в том, что психотерапия в нашей стране является действительно процветающей сферой, но и в том, что она может быть отнесена к "постмодернистскому проекту".

С одной стороны, отсутствие университетского психологического образования у будущего практика в нашей стране не является помехой для усвоения психотерапевтических знаний и опыта, а его наличие не является основанием для сокращения или удешевления программы практического обучения. То обстоятельство, что профессиональное психологическое и психотерапевтическое образование в высокой степени независимы, интересно само по себе и требует отдельного анализа. Любопытен другой культурный феномен: отечественная психотерапия на наших глазах "изобретает традиции"⁵ – процедуры посвящения, передачи статуса, особый язык и нормы поведения, которые признаны создать профессиональную идентичность и затруднить проникновение в профессиональное сообщество всех желающих⁶. Уместна такая аналогия: медицина как социальный институт пытается сделать свою практику непрозрачной для широкой публики и ограничивает доступ в свою среду лицам без специального образования (в частности, в Беларуси психологам, работающим в системе здравоохранения, запрещено называть себя психотерапевтами). Такую репрессивную практику П. Стронг называет "медицинским империализмом". Ирония состоит в том, что психотерапевтическое сообщество ведет себя так же по отношению к непосвященным.

Психотерапия не соответствует постмодернистскому проекту и еще потому, что подчиняется рыночным законам, и ее услуги имеют совершенно определенную рыночную стоимость, независимую от культурных проектов. Не является она и единственной

⁵ Hobsbawm E. and Ranger T. The invention of tradition. – Cambridge: University Press, 1983.

⁶ Сосланд А. Фундаментальная структура психотерапевтического метода, или как создать собственную школу в психотерапии. – М.: Логос, 1999.

формой психологической практики. Другие формы практики, как это будет показано далее, требуют иной организации профессионального сознания и поведения.

С другой стороны, вопреки декларациям *постмодернизм вовсе не является практико-ориентированным интеллектуальным течением*. Первоначально возникшее в искусстве, архитектуре и литературоведении и лишь затем осмысленное и развитое французскими философами это течение весьма неоднородно, и определить его нелегко (давать определения в соответствии с идеологией постмодерна вообще бессмысленно). Феминистская идеология, социальный конструктивизм, постструктурализм, критическая социальная теория, методология качественных исследований, критическая расовая теория родственны и дружественны постмодернизму, хотя ни одно из этих интеллектуальных течений не может считаться прототипическим его представителем.

В 80-е и 90-е гг. прошлого столетия наибольшее влияние на развитие западной психологии оказал социальный конструктивизм (некоторые идеи одного из ведущих его представителей – К. Джерджена рассматривает в этой книге А.А. Полонников). Продолжая археологическую работу П. Бергера, Т. Лукмана, М. Фуко и Ж. Деррида⁷, К. Джерджен осуществил пересмотр ключевых понятий психологии XX в., показал их социальную "сделанность"⁸ и дал иллюстрации того, что "научная" психология тоже конструирует реальность своим принуждающим дискурсом. Конструктивистский проект является интеллектуальным предприятием, он не имеет явных практических целей и может позволить себе быть безответственным в том смысле, что его риторика способна затруднять практику. К примеру, представление Джерджена о том, что самость, "Я" человека, является не чем-то единым, а набором неинтегрированных образов, историй и переживаний, делает невозможной иную работу с личностью, кроме выслушивания и интерпретации.

Психология как поведенческая наука

На поверку, новый (для психологии) путь полон противоречий и неясностей не в меньшей степени, чем старые парадигмы. Так, Ж.-Ф. Лиотар разоблачает исторически сложившиеся способы легитимизации знания, но сама его книга рассматривается критиками как легитимизация необязательности легитимизаций. Едва ли не единственной психологической теорией, признанной и творчески дополненной постмодернистами, был психоанализ. Однако цель последнего состоит в том, чтобы за поверхностными явлениями распознать глубинную структуру – предопределенную природой человека борьбу инстинктов – и зафиксировать достоверный сценарий этой борьбы. Но существование глубинных структур отвергается постмодернизмом самым решительным образом!

Другое противоречие прослеживается между утверждением постмодернистов об отсутствии универсальных законов, об абсолютной фрагментарности, ситуативности, локальности, относительности знаний, с одной стороны, и совершенно очевидной, поразительной *общностью* когнитивных механизмов, репертуаров интерпретаций, системой разделяемых значений, с другой. Эта общность выражена достаточно сильно, чтобы пренебречь ею, ведь иначе мы просто не смогли бы понимать друг друга и взаимодействовать. Более того, характеристики человека в основном *функциональны*, т. е.

⁷ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. – М.: Медиум, 1995; Фуко М. Рождение клиники. – М.: Смысл, 1998; Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. – М.: Ad Marginem, 1999; Деррида Ж. О грамматологии. – М.: Ad Marginem, 2000; и др.

⁸ Gergen K.J. Realities and relationships: Sounding in social construction. – Cambridge: Harvard University Press, 1994; Gergen K.J. An invitation to social construction. – Thousand Oaks: Sage, 1999; Gergen K.J. The saturated self. 2nd ed. – N.Y.: Perseus, 2000; Gergen K.J. The ordinary, the original, and the believable in psychology's construction of person // В.М. Bayer, J. Shotter (Eds.), Reconstructing the psychological subject: bodies, practices and technologies. – Thousand Oaks: Sage Publications, 1998. Pp. 11 – 125.

обеспечивают выживание, успешное поведение, достижение поставленных целей. Функциональность является серьезным доводом в пользу того, что взгляды людей соответствуют действительному положению дел (как прагматизм служит основанием для легитимизации принимаемых теорий и метафор в психотерапии). Хотя данные, накопленные психологией индивидуальных различий, не дают и никогда не дадут основания для уверенных утверждений о существовании универсальных законов взаимодействия биологических, психологических и социально-психологических "структур", биологические особенности, по меньшей мере, не только являются общими для больших групп людей (типов), но и имеют остаток, который не может быть сведен к социальным конструкциям.

Гуманистическая психология, которая воспринимается постмодернистами несколько свысока, но все же не отвергается так жестко, как позитивизм, по существу, не соответствует стилистике постмодерна. Критика отмечает внутреннюю пустоту идеала гуманистической концепции личности как самореализующегося индивида, но одновременно прощает ей второй "грех" – попытку обосновать свое знание недозволенными средствами, а именно ссылкой на внешний авторитет – феноменологическую и экзистенциальную философию. С другой стороны, как отмечает Д. Полкинхорн, решительно отвергнутый психологией бихевиоризм Б. Ф. Скиннера являет собой столь радикальный пересмотр расхожих психологических постулатов, что может рассматриваться как сближение с феноменологией или форма постмодернистского творчества.

В этих соображениях не следует усматривать попытку обесценить новаторские постмодернистские идеи. В культурном пространстве идеи часто излагаются в своей экстремальной форме, так, чтобы определить противоположный полюс, преувеличить различия, задать как можно более широкое пространство мышления. Как пишет по поводу двух антагонистов Дж. Поттер, "один из способов уяснить различия между модернизмом и постмодернизмом – воспринимать их как двух ваших друзей. Модернистка полна смысла и трудолюбива, но не обладает чувством юмора: она постоянно стремится наилучшим образом понять то, что происходит в любой ситуации. Она сама знает, что представляет из себя: уверенная, честная и откровенная. Постмодернистка больше говорит о работе, чем делает ее. Она остроумна и иронична – вы никогда не поймете, смеется она над вами или над собой. Вам будет трудно сказать, свойствен ли ей какой-либо тип личности; она многолика, и ни один из ее ликов не более истинен, чем другой"⁹.

В отличие от расовой теории, феминизма, конструктивизма и постструктурализма по принятой классификации наук психология относится не к гуманитарным и не к социальным, а к *поведенческим* дисциплинам. Вероятно, это определение является слишком жестким, узким и не может охватить всех форм психологической теории и практики. Ярлык поведенческой науки имеет неприятные коннотации, навеянные догматическим бихевиоризмом. Многие авторы ставят под сомнение и основные цели психологии в их "поведенческой" формулировке: объяснять, предсказывать поведение и управлять им. Критики находят эти цели негуманитарными и негуманными, хотя никому не приходит в голову возражать против задач медицины – объяснять болезнь, предсказывать наступление и течение болезни, управлять болезнью и здоровьем.

Коррекционная психология, нейропсихология, психодиагностика и многие другие отрасли нашей науки должны стремиться к высокой точности и обоснованности утверждений именно потому, что отправной точкой и конечной целью работы для психолога является именно поведение, которое в отличие от постструктуралистского

⁹ Potter J. Representing reality: Discourse, rhetoric and social construction. – Thousand Oaks: Sage, 1996. P.88. В переводе сохранен грамматический (женский) род оригинала. Это является проявлением гендерной корректности и постмодернистской чувствительности к социальным проблемам.

текста не может быть прочитано, как угодно, и в отличие от постмодернистского перформанса не может быть исполнено и переиграно, *как вздумается*. Прошлое поведение недоступно изменению, а варианты будущего поведения существенно ограничены физическими, социальными и культурными обстоятельствами. Психология обязана быть строгой и приземленной именно потому, что она имеет дело с психической реальностью, которая обрела физическую форму в поведении. В отличие от игр с текстом игры с поведением затруднены. (Хотя, конечно, одна из форм поведения, а именно *вербальная*, абсолютизированная дискурсивной психологией и нарративной психотерапией, может рассматриваться как текст).

Почему навязчивая социальная реклама на телевидении все же не побуждает горожан убирать подъезды? Как предотвратить вандализм в электричках, библиотеках и университетских аудиториях? Что необходимо сделать для снижения риска этнических конфликтов? Какая программа восстановительного обучения после перенесенного инсульта будет более эффективной? Как должны вести себя члены семьи человека, больного шизофренией? Какими средствами можно побудить людей заботиться о своем здоровье задолго до начала болезни? Ответы на эти и тысячи подобных вопросов не легки. Однако меньше всего здесь стоит полагаться на ироничную игру, на удовольствие от того, что можно узреть на поверхности, или на мистические акты самоопределения психолога, в пользу которого высказывается А. А. Полонников. Без анализа причин и механизмов (латентных структур) поведения не обойтись.

Постпозитивизм как методология психологии

Многим психологическим практикам созвучна ориентированная на постпозитивизм академическая психология, эпистемология и методология которой явились реакцией на резкую критику позитивизма, логического эмпиризма и наивного реализма. Постпозитивизм в "объективистских" науках возник *одновременно* с постмодернизмом в искусстве и философии и оказался достаточно гибким, чтобы извлечь уроки из острой критики своего наивного предшественника. Постпозитивисты признают, что реальность не может быть полностью, без остатка понята, однако ученые постепенно приближаются к истине. Для большей уверенности в достоверности полученных результатов используется сочетание методов и приемов. Эра постпозитивизма в психологии началась, пожалуй, с методологических работ Д. Кэмпбелла¹⁰, обсуждение которым разных типов валидности (внутренней, внешней, конструктивной и статистического вывода) и угроз этим валидностям не утратило актуальности до сего дня. Строгие требования к методологии исследования не были ослаблены постпозитивизмом, но дополнены *технологиями* работы в неэкспериментальных жанрах исследований с неслучайными выборками; особое внимание уделено предполагаемой прикладной направленности выводов (прагматизм); хорошим тоном стал феноменологический анализ поведения испытуемых, дополняющий экспериментальные данные.

Постпозитивисты согласились с относительностью научных выводов, но истолковали релятивизм спокойно, что-то вроде "относительность относительна", без некоторой определенности все же не обойтись. С одной стороны, с идеей локальности, ситуативности знания спорить не приходится. В конце концов личность тоже представляет собой историческую и социальную конструкцию, т. е. получает понятийный статус и привлекает внимание исследователей по историческим меркам сравнительно недавно. По здравому размышлению, вряд ли кто-либо будет всерьез применять понятийный аппарат и объяснительные модели психоанализа к так называемым

¹⁰ Кэмпбелл Д. Модели экспериментов в социальной психологии и прикладных исследованиях. – СПб.: Социально-психологический центр, 1996.

примитивным народам. Едва ли кому-то придет в голову распространить современные модели самости на наших далеких предков. Революционная статья Х. Маркус и С. Китаямы¹¹ о различиях Я-концепций у американцев и японцев будет воспринята как тривиальная любым, кто знаком с японской художественной литературой или историей. Следует ясно представлять себе ограниченную ценность современной западной теоретической психологии. По сути дела, это американская психология XX в. Значительная часть изданного на русском языке должна быть "переведена" заново, эмпирически перепроверена, поскольку материал получен в обществах, культура, экономика, общественные отношения, религия, история, мифы, язык которых существенно отличаются от наших.

Критики позитивизма в психологии часто прибегают к ключевому набору спасительных альтернатив: качественные методы, идеографический подход и новые решения проблемы валидности (например, триангуляция). По поводу первого необходимо сказать следующее. Дело даже не в том, что качественные и количественные методы вовсе не являются взаимоисключающими, и что альтернативой качественным методам являются не количественные, а, скорее, некачественные методы, и что количественные методы "исчерпали себя" лишь для тех, кто не умеет с ними работать. Самое важное состоит в ином. Качественные процедуры исследования исторически возникли внутри позитивизма и длительное время питались его идеями. Один из источников вдохновения современных постпозитивистов – обоснованная теория Б. Глейзера и А. Страусса (1967). В сущности это не теория как таковая, а скорее метод построения научных теорий из эмпирического материала. Необычность и яркость данных, использованных авторами (переживания и опыт умирающих пациентов), а также ясность и воспроизводимость процедуры извлечения концепции из эмпирического материала сделали обоснованную теорию чрезвычайно популярной в социальных науках. Балансируя на грани позитивизма и постпозитивизма, Глейзер и Страусс продемонстрировали возможность понимания и объяснения реальности без концептуального и процедурного насилия, как это обычно бывает в экспериментальных лабораториях. Относительно недавно К. Шарма показала, что обоснованная теория открыта конструктивистским идеям и потому может служить связующим звеном между (пост)позитивизмом и постмодернизмом¹². Что касается подлинно антипозитивистских, герменевтических методов вроде аутоэтнографии, приходится признать, что они имеют дело не с чистым, наивным опытом собеседников, а с интерпретациями этого опыта, которые для прояснения также нуждаются в интерпретациях.

Вторая спасительная альтернатива позитивизму в психологии связывается с идеографическим подходом к исследованию человека. Если понимать идеографию упрощенно и формулировать ее подобно учебникам в виде чистой идеи, – как уникальное описание человека на его же собственном языке –, мы ничего не проясняем и не выигрываем. Д. Бем и А. Аллен определяют идеографический подход более ясно. Во-первых, для описания конкретного человека могут быть привлечены лишь некоторые из имеющегося множества единиц анализа (черт), а одна и та же черта может быть применена для характеристики лишь ограниченной группы лиц. Во-вторых, ключом к выделению набора ситуаций, характерных для данного человека, является его личная история¹³. Примечательно, что в этом определении нет и намека на герменевтический

¹¹ Markus H.R., Kitayama S. Culture and the self: Implications for cognition, emotion, and motivation //Psychological Review. 1991. Vol.98. Pp.254-283.

¹² Charmaz K. Grounded theory: Objectivist and constructivist methods //N. K. Denzin & Y. S. Lincoln (Eds.) Handbook of qualitative research. – 2nd ed. Thousand Oaks: Sage, 2000. Pp.509-536.

¹³ См. Росс Л., Нисбетт Р. Человек и ситуация. Перспективы социальной психологии. – М.: Аспект-Пресс, 1999. С.181-182.

подход. Идеографические измерения возможны в позитивистских и количественных исследованиях.

Постпозитивисты не принимают звучного тезиса антифундаменталистов о принципиальной невозможности обоснования знаний и проявляют большую изобретательность в нахождении методов доказательства достоверности научных результатов. Одна из философских версий постпозитивизма, условно называемая квазифундаментализмом¹⁴, сочетает конструктивистскую эпистемологию с неореалистической онтологией. В этой версии признается, что знания не добываются извне, а создаются в процессе взаимодействия исследователя с исследуемой реальностью и, таким образом, данные наблюдений "пропитаны теорией". Нельзя наблюдать мир ниоткуда, из нейтральной точки. Но в то же время внешняя по отношению к наблюдателю реальность познаваема в принципе. О валидности результатов мы можем судить, оценивая вероятности ошибок, которые мы допускаем, предсказывая поведение изучаемых объектов на основе той или иной теории. Проблема обоснования, валидности не только остается, но и становится центральной.

По быстрым и острым реакциям постмодернистских философов на новые концепции достоверности-валидности-обоснования можно заметить, что эта проблема вопреки декларациям им небезразлична. Особенно четко смещение позиций философов и методологов в этом вопросе прослеживается в дискуссиях по поводу обоснованности и обобщаемости результатов качественных исследований. Вкратце пространство взглядов на валидность теорий и методов можно представить следующим образом¹⁵. Некоторые авторы проводят "санитарную работу" и показывают примитивность старых формулировок и "критериологии" в целом (Т. Schwandt, 1996). Иные пытаются мягко переформулировать традиционные критерии валидности, сделав их менее позитивистскими. Так, J. Kirk и M. L. Miller (1986) называют три причины невалидности, три типичные ошибки исследователя: видеть закономерность там, где ее нет; не видеть закономерности там, где она есть; ставить ложные вопросы. Затем появились разработки новых процедур обоснования достоверности: коммуникативная валидизация (участие испытуемых в обсуждении результатов; привлечение к обсуждению коллег), процедурная валидизация (точность, тщательность и полнота полевых заметок или получаемых данных; полное, искреннее и прозрачное описание результатов, открытое для иных интерпретаций; чувствительность к обратной связи со стороны коллег; полнота и сбалансированность описаний; перепроверка выводов на других фрагментах полученного материала) и т. д. Среди прочих подходов к обоснованию достоверности результатов следует упомянуть установление степени правдоподобия (plausibility) – оценку полученного знания с позиции уже имеющихся знаний – и доверия (credibility) как оценки и осмысления результатов с учетом природы феномена и обстоятельств его наблюдения.

Одновременно стали разрабатываться принципиально новые понятия и принципы обоснования знания. В частности, Р. Lather (1993) попыталась собрать и обобщить идеи обоснования из постмодернистских (!) и постструктуралистских теорий, такие как ироническая (Ж. Бодрийар), неопрагматическая (Ж.-Ф. Лиотар), ризоматическая (Ж. Деррида) валидизация. Из постпозитивизма (Д. Кэмпбелл) была извлечена идея триангуляции, которой Н. Дензин придал смысл радикальной альтернативы традиционным подходам к валидизации. Проще говоря, триангуляция есть сочетанное и

¹⁴ Smith J. K. and Deemer D. K. The problem of criteria in the age of relativism //N. K. Denzin & Y. S. Lincoln (Eds.) Handbook of qualitative research. – 2nd ed. Thousand Oaks: Sage, 2000. Pp.877-896.

¹⁵ См. обзоры в: Flick U. An introduction to qualitative research: Theory, method and applications. Thousand Oaks: Sage, 1998. Ch.18; Kvale S. InterViews: An introduction to qualitative research interviewing. – Thousand Oaks: Sage, 1996. Ch.13; Lincoln Y. S. and Guba E. G. Paradigmatic controversies, contradictions, and emerging confluences //N. K. Denzin & Y. S. Lincoln (Eds.) Handbook of qualitative research. – 2nd ed. Thousand Oaks: Sage, 2000. Pp.163-188.

взаимообогащающее использование разных методов, методологий, данных, теорий и/или исследователей. Множественность подходов и приемов призвана ослабить эпистемологические ограничения, перейти установленные границы, выявить новые стороны феномена. Парадокс заключается в том, что при таком расширительном понимании идея триангуляции, перехода границ, трансгрессии и полноты представлений выглядит привлекательной как для постмодернизма, так и для постпозитивизма. Для первого это означает смешение, карнавал методов, калейдоскоп теорий и данных, для второго – подтверждение единственности истины: если разные методы, массивы данных и исследователи позволяют выявить нечто единое, целостное, следовательно, релятивизм имеет пределы. Идея триангуляции несколько мистифицируется в нашей литературе¹⁶, как если бы сочетание методов само по себе, автоматически, давало плоды. Принцип эклектического соединения не только методов, но и парадигм, в результате которого должно появиться нечто новенькое, напоминает взгляд ниоткуда, из нейтральной архимедовой точки, против которого восстала новая эпистемология. Если бы это было возможно, то новенькое появлялось бы из любого учебника, каковой по необходимости представляет собой эклектику.

Иное дело в постпозитивизме, где триангулируется истина, а сама триангуляция из идеи превращается в процедуру, в набор полезных трюков: в дополнение к опросу "обычных" людей опросить экспертов; случайным образом расщепить выборку испытуемых пополам и провести анализ данных отдельно; исключить из анализа одну переменную и посмотреть, как изменится модель; валидизировать конструкт с помощью подхода "много черт – много методов" и т. д. Постпозитивистские идеалы образования предполагают теоретическую и практическую передачу именно таких трюков. Во всех этих случаях триангулируются соразмерные методы, а итогом является *обоснование* знания, а вовсе не новое знание.

Эклектическое нагромождение методов и понятий продолжает считаться дурным тоном, хотя избежать этого нагромождения нелегко. Дело не в том, чтобы собрать вместе разноречивые подходы, о которых исследователь услышал, а сознательно и целенаправленно привлекать и создавать именно те средства, которые способны прояснить данную проблему. Исследование начинается не с ответов (а вот что я еще знаю), а с вопросов. Принцип экономии особенно важен при построении объяснительных моделей. Эклектические экзерсисы уместны, скорее, для случая с несоразмерными методологиями и эпистемологиями в гуманитарных поведенческих науках. Но и в этой области постмодернистская исследовательница-этнограф Л. Ричардсон предлагает иную привлекательную метафору – кристалла, а не треугольника, кристаллизации, а не триангуляции. Кристалл одновременно создает, преломляет и искажает.

На самом общем уровне идеал научности и в постмодернизме, и в постпозитивизме можно, вероятно, описать двумя словами: *неочевидность* и *ответственность*. С точки зрения первого течения принцип получения неочевидных результатов приобретает форму особых требований к риторике текста, к внутреннему напряжению смыслов внутри текста, к ироничной игре с понятиями, к обостренной чувствительности, к деконструкции и переворачиванию проблем, что и позволяет извлекать нечто новое, нетривиальное. Может быть, когда-нибудь постмодернистам даже удастся приучить психологов не называть человека испытуемым. Постпозитивисты трактуют принцип неочевидности как необходимость поиска прямо не наблюдаемых, латентных структур, которые будто бы приводят в движение наблюдаемый ландшафт. Ответственность исследователя также понимается по-разному. Для одних – это социальная ответственность, своего рода *моральная философия* вместо чистого теоретизирования, требование провозглашения

¹⁶ Янчук В.А. Методология, теория и метод в современной социальной психологии и персонологии: интегративно-эклектический подход. – Мн.: Бестпринт, 2000.

ценностей подавляемых социальных групп, лишенных права голоса. Для других – это требование обоснованности, доказательности выводов, принимающее репрессивную форму предписания планировать исследование наилучшим с точки зрения валидности образом и анализировать данные в строгой объективистской манере¹⁷.

В такой общей редакции представления о научности едины для всех областей человекознания, в том числе для феноменологической и объективистской психологии. Некоторые наши метатеории, такие как культурно-историческая концепция, таковы, что делят общее пространство и с феноменологами, и с позитивистами, и с конструктивистами. Различия тем не менее остаются. Едва ли постмодернистские ветви антропологии, культурологии, этнографии, феминизма, литературной критики и психотерапии захотят принять и адаптировать постпозитивистское видение принципов научности. Однако я не вижу причин, которые помешали бы постпозитивистской академической психологии дополнить свое видение процедур получения достоверного знания чувствительностью к языку, любовью к тексту, иронией и – особенно – социальной ответственностью. К сожалению, многие методологически безукоризненные исследования в нашей науке не имеют никакого значения и смысла, поскольку посвящены тривиальным, покрытым пылью, "проблемам". Собираательство коэффициентов корреляции и t-критериев имеет незначительную ценность из-за методологической сомнительности.

Психологии личности к началу третьего тысячелетия

Одной из самых мудрых книг, посвященных проблемам понимания личности и предсказуемости поведения, является работа Л. Росса и Р. Нисбетта¹⁸. Написанная известными когнитивистами и постпозитивистами 10 лет назад, она не утратила актуальности. Авторы придерживаются позиции, что объяснение, предсказание поведением человека и управление им являются основными целями психологии личности и социальной психологии. В подтверждение они ссылаются на множество масштабных и локальных социальных экспериментов, изменивших облик Америки за 70 лет. Страна, где в начале XX в. расстреливали рабочих, а в 50-х гг. линчевали чернокожих и отправляли на электрический стул коммунистов, разительно изменилась, не в последнюю очередь за счет реформ политического языка, создания эффективной системы трудовых взаимоотношений и защиты стигматизируемых групп.

Росс и Нисбетт полагают, что ключевыми в истории социальной психологии были три идеи: ситуационизм, признание важности субъективной интерпретации и учение о напряженных системах. Два первых положения имеют прямое отношение к прогрессу в области теоретической и практической психологии личности. Последняя идея сформулирована на более общем, надпсихологическом уровне, и ее удобнее обсудить позже, в следующем разделе.

Открытие и систематическое исследование решающего влияния ситуации на поведение людей считается одной из крупнейших заслуг социальной психологии перед человековедением. Порядок появления трех парадигм – диспозиционизма, ситуационизма и интеракционизма – в теоретической психологии личности не случаен. Этот порядок соответствует полноте представленности факторов поведения в наивных теориях

¹⁷ Репрессивность этих предписаний особенно очевидна в руководствах по статистической методологии. См.: Wilkinson L. and Task Force on statistical inference. Statistical methods in psychology journals: Guidelines and explanations //American Psychologist. 1999, Vol.54. No.8. Pp.594-604. В нашей профессиональной литературе трудно припомнить исследование, которое отвечало бы всем требованиям этого руководства.

¹⁸ Росс Л., Нисбетт Р. Указ. соч.

личности и объяснительных схемах простых людей¹⁹. Кроме того, он отражает информативность соответствующих факторов для наблюдателя, не вооруженного специальными научными средствами, такими как эксперимент или методы статистического анализа²⁰.

Ситуационизм возник как естественная реакция на недостаточные объяснительные возможности персонологизма и дифференциальной психологии. Корреляция между личностными чертами и поведением человека обычно не превышает 0,30. Квадрат этой величины, выраженный в процентах (9%), представляет собой долю дисперсии поведения, объясняемой личностными чертами. В его предельной форме ситуационистский взгляд на личность выражается в утверждении, что личность (как совокупность диспозиций) есть лишь умозаключение, которое делает внешний наблюдатель, пытающийся приписать причины поведения индивида какой-либо устойчивой инстанции.

Становлению ситуационистской позиции способствовали исследования закономерностей конструирования наивных картин мира, процессов каузальной атрибуции, а также последствий давления социальных ситуаций, способных снять индивидуальные различия (известные эксперименты С. Милгрэма, Ф. Зимбардо и др.). Другой причиной теоретического обособления ситуационизма стало развитие методологии эксперимента, суть которой состоит в искусственном удалении индивидуальных различий и в эксплицитном манипулировании ситуациями. Психология развития также способствовала осознанию нестабильности индивидуальных особенностей поведения во времени, что соответствовало положениям ситуационизма. Современная психология имеет повышенную чувствительность к ситуационным переменным. Преимущественный поиск причин поведения в свойствах личности сегодня свойствен, скорее, наивным наблюдателям, разделяющим веру во временную и кросс-ситуативную устойчивость поведения, а также исследователям, инструментарий которых ограничивается тестами или интроспекцией.

Логическим развитием диспозиционизма и ситуационизма является интеракционизм, т. е. выделение взаимодействия между личностными и ситуационными свойствами в качестве решающего фактора, объясняющего поведение индивида. Идеи о взаимодействии личности и ситуации как наиболее правдоподобной причине поведения высказывались многими. Дж. Кантор считает, что единицей исследования в психологии должен быть индивид в его взаимодействии со всеми ситуациями, которые составляют обстоятельства его поведения. Согласно К. Левину, индивид и среда динамически взаимозависимы и образуют "жизненное пространство", причинно обуславливающее поведение. Для Г. Мюррея "единичное взаимодействие индивида и среды является удобной и простой единицей <анализа> в психологии"²¹. Поведение *не может не быть* ситуационно специфичным, и выделение стабильных черт в структуре личности при всей их инструментальности было довольно условным. Методы дисперсионного анализа позволили разложить общую дисперсию поведения на компоненты, обусловленные свойствами личности, свойствами ситуаций и их взаимодействием.

Вторая важная идея психологии личности – о субъективной интерпретации реальности – связана с когнитивистской версией интеракционизма (Р. Кеттел, Р. Абельсон, У. Мишел и др.) Смысл этой версии выражен К. Бауэрсом: "Ситуация является функцией наблюдателя в том смысле, что когнитивные схемы наблюдателя фильтруют и организуют среду таким образом, что становится невозможным когда-либо полностью

¹⁹ Fiske S. and Taylor S. Op. cit.

²⁰ Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. В 2-х т. – М., 1986. Т.1

²¹ Цит. по Ekehammar B. Interactionism in personality from a historical perspective //Psychological Bulletin. 1974. Vol.81. No.12. Pp.1026-1048, 1030.

отделить среду от личности»²². Подлинной единицей психологического познания является «человек-в-ситуации», поскольку в повседневности мы структурируем «объективный» мир в терминах личности. Личность и ситуация взаимодействуют, как минимум, в трех формах: люди по-разному интерпретируют, выбирают и создают ситуации.

Для интеракционистской теории остается актуальным вопрос о языке описания ситуаций. Исследователи идут, как правило, по пути классификации ситуаций на основании одного из следующих источников информации: а) априорные физические и социальные характеристики ситуации, б) актуальные потребности, в) отдельные поведенческие реакции на ситуацию, г) целостные паттерны индивидуальных реакций, д) когнитивные (семантические) картины ситуаций²³. Однако априорная заданность параметров ситуаций лишает возможности доказать их релевантность, а перечень параметров, по сути, бесконечен. Использование классификаций потребностей для классификации ситуаций означает теоретический регресс, обоснование одного теоретического решения другим, которое еще нуждается в обосновании. Привлечение для классификации ситуаций единичных поведенческих реакций не обладает критериальной и конструктивной валидностью, а использование целостных поведенческих реакций индивидов трудно реализуемо на практике.

Остается когнитивный подход. Когнитивные исследования обыденных представлений и суждений изменили внутренний ландшафт не только психологии, но и родственных областей теоретического и прикладного знания. Со взглядом на человека как рационально мыслящее существо расстались социология, компьютерные науки, экономика, юриспруденция, политология. Открытия в области социального производства и искажения знаний на этапе получения, переработки и применения информации трудно перечислить не только в одной статье, но и в одной книге²⁴. Сегодня психологи имеют достаточно ясное представление о путях знания для людей *вообще*. Исследованы не только внеличностные процессы получения и организации информации, но и механизмы переплавки этой информации в глубоко личностные образы, схемы, скрипты, наивные каузальные теории, дискурсивные стратегии объективации субъективных истин, типичные ошибки мышления и объяснения. В исследованиях показано, что когнитивные ошибки простых людей и ученых во многом схожи и что они выполняют полезные функции. Особенно впечатляют исследования содержания самосознания и процессов, ответственных за формирование, оценку и поддержание человеческого "Я", его самости. Уже с 50-х гг. прошлого столетия психологи довольно успешно предсказывали направление когнитивной переработки информации для людей *вообще*, т. е. на уровне вероятностных моделей. Тем не менее содержание индивидуальных представлений и исход когнитивного конструирования реальности конкретным человеком остается непредсказуемым.

Психология как манипулятивная наука, лишенная возможности манипулировать

Представление о манипулятивном характере психологии является лестным, но неверным (за вычетом крайних форм и специально построенной практики). Способ мышления и формы дискурса, выработанные в традиционной академической психологии, действительно создают некоторую искусственную модернистскую реальность и могут оказывать формирующее влияние на социальные представления, как это показали К.

²² Bowers K.S. Situationism in psychology: An analysis and a critique // Psychological Review. 1973. Vol.80. P.328.

²³ Гришина Н.В. Психология социальных ситуаций // Вопросы психологии, 1997, №1, с.121-132.

²⁴ Augustinos M., Walker I. Social cognition: An integrated introduction. – London: Sage Publication, 1996; Fiske S. and Taylor S. Op. cit.; Goldstein W.M. and Hogarth R.M. (Eds.) Research on judgement and decision making. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997 etc.

Джерджен, С. Московичи, В. Дуаз и др. Однако, скорее, верно обратное: психология слишком доверчиво воспринимает идеи эпохи, слишком прилежно усваивает доминирующий дискурс и слишком настороженно прислушивается к велениям времени. В тоталитарных обществах управляющие способности психологов не нужны, социальная власть принимает там более примитивные формы (вознаграждение, принуждение, традиция) и не нуждается в научной проверке технологий подавления. Тоталитарная власть сама проводит эксперименты, действуя методом проб и ошибок. А в демократических обществах манипулятивные возможности психологии незначительны, поскольку уравниваются противодействием.

Управление основывается на объяснении и предсказании, а ограничения на предсказание поведения в психологии имеют принципиальный характер. Самое поверхностное знакомство с научной литературой в нашей области обнаруживает хорошо скрываемую неуверенность авторов в возможностях своих теорий, смехотворно малые регрессионные и корреляционные коэффициенты. Л. Росс и Р. Нисбетт полагают, что причина неспособности академической науки прогнозировать поведение связана с идеалами научности, особенностями используемых процедур, вероятностно-статистическим характером закономерностей. Очищение экспериментальной ситуации от каких бы то ни было шумов и смещений приводит к тому, что прогнозы достигают удовлетворительной точности в тех случаях, когда предсказание основывается на длительных наблюдениях прошлого поведения и распространяется не на единичные поведенческие акты, а на их последовательности в длительные периоды времени в будущем; когда оценивается относительная вероятность экстремальных событий; когда учитывается базовая частота (base rate), высоко типичное поведение²⁵.

На фоне неспособности академической науки предсказывать поведение (что является условием управления) поразительны возможности обыденной психологии. Как правило, в повседневности мы не ошибаемся в своих ожиданиях по поводу того, кто придет к нам на день рождения, как поведут себя наши коллеги или знакомые в ответ на наши поступки. В повседневности поведение людей приобретает черты последовательности, повторяемости, согласованности. Эта последовательность обусловлена многими причинами. Как правило, наличные ресурсы, включая время, ограничены, и наши возможные действия имеют естественные пределы. Человек связан ролевыми сценариями, множеством реальных или вымышленных обязательств с другими людьми и стремится соответствовать их ожиданиям, уважать право других понимать его и, в определенной степени, предсказывать поведение – люди сами управляют степенью предсказуемости своих поступков. Многие постмодернистские авторы отмечают структурное сходство между жизнью и рассказом о жизни²⁶. Вполне может быть, что упорядоченность наших повествований и нашей биографии обусловлена требованиями культуры к последовательности и связности. (Если так, предположения нарративного анализа выглядят несколько наивными). Вероятно, последовательность, понимаемая как относительная стабильность, имеет также эволюционное значение. Природа испытывала бы большие затруднения в эволюционном отборе, если бы характеристики особей менялись слишком быстро по сравнению с индивидуальной продолжительностью жизни.

Другим препятствием к управлению человеком является реактивный эффект. Человек, на которого оказывается давление, часто будет вести себя прямо противоположным образом. Эта закономерность была сформулирована в виде теории реактивности Дж. Бремом в 60-е гг. прошлого столетия и подтверждена экспериментально. Системы, обладающие способностью к рефлексии, получают

²⁵ Росс Л., Нисбетт Р. Человек и ситуация. Перспективы социальной психологии. – М.: Аспект-Пресс, 1999. С.234-235.

²⁶ Bruner J. Life as narrative // Social Research. 1987. Vol.54 (1). Pp.11-32.

дополнительную свободу за счет того, что постоянно обновляют образы себя и "противника" и могут просчитывать поведение этого последнего.

Есть и еще одно, более общее, соображение по поводу неспособности психологии к манипуляции. Оно связано с третьей важной идеей социальной психологии, с точки зрения Л. Росса и Р. Нисбетта, – о "напряженных системах". Эта идея отчасти близка концепции диссипативных структур И. Пригожина: несмотря на сложность и кажущуюся хаотичность сложных систем, в этом хаосе можно узреть закономерности; несмотря на наличие общих закономерностей, прогнозировать точное течение событий невозможно. Или, по-другому, объем знания, который требуется накопить о системе, чтобы уверенно предсказать ее поведение, столь огромен, что сводит на нет ценность полученного прогноза. Основываясь на теории, нельзя предсказать, где именно, когда и в каком направлении изменится "напряженная система" в ответ на некоторое надпороговое увеличение напряжения. Нельзя предвидеть каналы изменений, основываясь на мудрости или интуиции. Иного подхода, в обход эмпирического изучения системы, не существует: "Социально-психологическое образование прививает глубочайший скептицизм в отношении заявлений, которые делаются исключительно на основании теоретического анализа или "клинического опыта" и не опираются при этом на надежные исследовательские данные"²⁷. Этот пассаж приведен в подтверждение необходимости академических и прикладных исследований, важность которых в совокупности превышает значимость метаметодологических и эпистемологических новаций. В частности, прогресс в области психологии личности определяется не только теоретическим поиском новых конструктов, обладающих высокой объяснительной способностью, но и тщательно спланированными и проведенными эмпирическими исследованиями.

Проблемы измерения личности: выделение единиц анализа и валидность

Как бы сильно ни различались теоретические подходы к личности, они сходны в понимании личности как динамической латентной структуры индивидуально специфических *качеств*, которой присущи целостность, связность элементов. Определенная часть этих связей имеет причинно-следственный характер.

Фундаментальной проблемой, по поводу которой у психологов нет согласия, является вопрос о *единицах* анализа личности. Эту проблему должен решать для себя не только исследователь, но и каждый психолог, работающий с людьми. К традиционным и популярным единицам относятся черты и мотивы. Между этими понятиями существует глубокое сходство. В том смысле, в каком мы говорим о мотиве власти или мотиве достижения, и черты, и мотивы являются диспозициями, т. е. устойчивыми предрасположенностями вести себя определенным образом в разных ситуациях. Этот наивный взгляд преодолен ситуационизмом. Личность не может быть реконструирована только средствами диспозиций. Психологическая теория и практика нуждаются в новых концептуальных, измерительных и аналитических подходах к личности, оценке, интерпретации и прогнозированию индивидуального поведения и субъективного благополучия. Желательно, чтобы эти единицы анализа личности сочетали устойчивость черт и изменчивость мотивов, одновременно отражая устойчивые личностные качества и меняющиеся требования ситуации.

В психологической литературе описывается около двух десятков потенциальных единиц анализа личности. Однако теоретический статус ряда понятий и их объяснительные возможности продолжают оставаться непроясненными. Разработка новых единиц в основном идет по пути расширения временного диапазона объясняемого поведения, вплоть до всего жизненного пути; одновременного рассмотрения нескольких

²⁷ Росс Л., Нисбетт Р. Указ.соч. С.329.

личностных аспектов (когнитивного, эмоционального, поведенческого); включения в единицу анализа ситуационной информации; связывания единиц со структурой Я-концепции личности. Важным направлением являются попытки связать диагностические конструкторы с целенаправленным поведением индивидуума – реальным или проектируемым²⁸.

Трудности систематизации единиц анализа личности вызваны большой многомерностью как самой личности, так и языков ее описания, в пределах простирающихся приблизительно до 2000 слов русского языка, имеющих личностную референцию²⁹. Теоретические декларации авторов часто расходятся с возможностями эмпирического анализа. То, что большинство концепций и эмпирических исследований основано на понимании личности как совокупности определенных индивидуально-психологических свойств, связано, по всей видимости, с наивными теориями личности, имеющими место в западной культуре.

Очевидно, что в психологии личности не обойтись без введения несоподчиненных разноуровневых конструкторов. Это означает отказ от принципа иерархии отношений между подструктурами личности в пользу принципа гетерархии³⁰. Другими словами, структурные уровни этой системы не подчинены друг другу, могут функционировать параллельно и независимо и даже вступать в противоречия, что проследивается уже при попытке соотнести психические процессы, психические состояния и свойства личности. Поэтому принципиально невозможно представлять личность в виде набора равнозначных факторов – трех (Айзенк), пяти ("Большая пятерка") или шестнадцати (Кеттел). Множественность и многоязычие описательных моделей является непременной характеристикой персонологии как научной дисциплины и вовсе не свидетельствует о ее незрелости. Следовательно, попытки найти организующий, интегрирующий центр личности обладают локальной ценностью и имеют смысл лишь в определенном дискурсе.

Достоверность измерения личностных свойств может быть доказана, если удастся показать связь между эмпирическими индикаторами и теоретическими (латентными) переменными, динамизм, структурную (неслучайную, теоретически интерпретируемую) связность и каузальные отношения с поведением. Эти требования к валидации личностных особенностей являются самыми общими, необходимыми, но недостаточными. Приходится признать, что этим требованиям удовлетворяют и диспозиционная концепция Олпорта, и модель личности Фрейда, и практически все другие концепции, которые рассматриваются в учебниках.

Позитивистская психология описывает проблему латентности личностных свойств на языке классической теории измерения. Уверенность в существовании ненаблюдаемого личностного свойства обеспечивается сходимостью нескольких измеряемых переменных и отличием измерений данного свойства от измерений другого. Теория измерения позволяет разложить его результат на истинный компонент и ошибку. В современных формулировках теории измерения психодиагностический конструктор понимается как открытое понятие. Это означает отказ от традиционной диагностической модели, навеянной медицинским стилем мышления. Эмпирически полученным психометрическим показателям при создании методики отводится лишь служебная роль. Происходит возврат к рациональному конструированию инструментария, радикальный эмпиризм отвергается как несостоятельный. Современная психометрика личности снимает требования очищения

²⁸ Buss D. M. and Cantor N. (Eds.) Personality psychology: Recent Trends and Emerging Directions – N.Y.: Springer Verlag, 1989.

²⁹ Шмелев А. Г., Похилько В. И., Козловская-Тельнова А. Ю. Репрезентативность личностных черт в сознании носителей русского языка // Психол. журнал. 1991. Т.12. № 2. С.27-44.

³⁰ Голиков Ю. А., Костин А. Н. Проблемы методологических оснований анализа межсистемных взаимодействий в психологических исследованиях // Психол. журнал. 1995. Т.16. №4. С.11-24.

конструктов от стиля ответов испытуемых, от фактора социальной желательности, от несбалансированности положительных и отрицательных ответов. Формальная теоретическая модель тестируется на предмет соответствия эмпирическим данным, что означает поворот от эксплораторных методов анализа данных к конфирматорным³¹.

Исследование и измерение личностных свойств *в динамике* составляет отдельную и, пожалуй, самую острую проблему. Начиная с Ш. Бюлер, психология обратилась к исследованию внутренней логики человеческой жизни в ее временной упорядоченности. Поскольку любое событие предполагает некоторое количественное изменение, может быть более или менее точно соотнесено с временной осью и другими измерительными шкалами и, следовательно, квантифицировано. Если при этом измерены предполагаемые причины и одновременно изменяемые переменные (ковариаты), становится возможным причинно-следственный анализ.

В области психологии личности методологическое требование рассматривать динамику изменений (например, у С. Л. Рубинштейна и его учеников) значительно обгоняют эмпирические исследования. Слабая доступность средств моделирования (контролируемого исследования) динамических процессов для большинства гуманитарных исследователей привела к тому, что личность в психологии на уровне эмпирического анализа остается преимущественно статичной. Самые заметные работы являются описательными по жанру и одномерными по числу учитываемых переменных.

Важным этапом в развитии социальных наук стала разработка понятия "жизненного пути", поскольку он "предполагает множество ... линий развития в пределах одной и той же биографии. Время, последовательность и способ осуществления любого жизненного события ... не менее важны, чем сам факт, что данное событие имело место"³². В качестве предмета исследования концепция жизненного пути предполагает изменяющегося индивида в изменяющихся обстоятельствах, в многомерном и гетерохронном пространстве-времени. Эта концепция предлагает направления анализа и различия эффектов исторического времени, биологического возраста, поколений, средовых и внутрииндивидуальных изменений, что требует сложного статистического аппарата³³.

Хотя в литературе по-прежнему встречается взгляд на личность лишь как на описательную модель сложной системы, в которой "все связано со всем", установление пространственно-временного и каузального порядка в системных связях является одной из основных задач (пост)позитивистской науки. Многие философы признают только описательный, но не объяснительный и тем более каузальный подход в науках о человеке. Однако Р. Колингвуд показал, что сама по себе манипулятивная концепция причинности, типичная для экспериментальных наук, является *антропоцентристской* и *антропоморфной* по духу. Законы человеческой практики переносятся на исследования самого человека. В некотором важном смысле личность является детерминированной системой³⁴, поэтому валидизация структурных единиц личности неполна без

³¹ Rorer L. G. Personality assessment: A conceptual survey // Pervin L. A. (Ed.) Handbook of personality. Theory and research. – New York: The Guilford Press, 1990. Pp.693-720.

³² Кон И. С. Жизненный путь как предмет междисциплинарного исследования // Человек в системе наук, М., 1989. С. 477.

³³ Baltes P. B., Reese H. W. and Nesselroade J. R. Life-span developmental psychology: Introduction to research methods. – London: Lawrence Erlbaum Associates, Publishers, 1988.

³⁴ Слово "детерминация" и даже его гуманистический вариант – "самодетерминация" – режет слух многим психологам и философам. Тем не менее оно введено в текст не только в целях саморазоблачения позитивистской натуры автора, но и по правилам языковых игр: слово "индетерминизм" в смысле подбрасывания монеты или в смысле "американской мечты" (из таксиста в президенты) наполнено еще большей нелепостью.

теоретической спецификации и эмпирического доказательства причинной обусловленности одних элементов (конструктов, подструктур) другими.

Эта общая научная логика особенно трудно осуществима в психологических исследованиях. Действительно, здесь неприменимы жесткие детерминационные схемы, господствовавшие в методологии со времен Д. Юма, и экспериментальные модели. Постпозитивистская статистическая методология здесь также не особенно преуспела³⁵. В 90-х гг. ведущие профессиональные методологические издания по медицине, социологии и психологии посвятили свои выпуски дискуссиям признанных корифеев о проблематичности каузальных объяснений. Печальный вывод состоял в том, что единственным достоверным методом изучения причинно-следственных связей остается эксперимент.

Каузальные объяснения не являются единственно возможными. Некоторые исследователи в психологии предпочитают телеологические объяснения³⁶. Эта сложная тема требует специального обсуждения в отдельной работе. Аргументы "каузально мыслящих" ученых о том, что реальной причиной поведения является все же не будущее, а прошлое, поскольку целевое поведение подчинено *образам будущего* (целям), сформировавшимся до начала целенаправленного поведения, – эти аргументы представляются чрезмерным упрощением.

Вне подлинного эксперимента, т. е. когда невозможны рандомизация испытуемых и манипулирование независимыми переменными, логика обоснования причинно-следственных отношений между личностными структурами, необходимая для валидизации единиц анализа личности, должна быть компромиссной. В частности, следует исходить из того, что: 1) каузальное описание связей между событиями является доминирующим в психологии объяснением (в смысле Аристотеля), и к тому же объяснением, обоснованным методологически и подтвержденным эмпирически; 2) каузальные выводы основываются не на эмпирических данных, а на рациональной теоретической модели, вне которой корреляции и коэффициенты теряют смысл; 3) использование жесткого детерминистского языка, заимствованного из экспериментальной парадигмы, в психологии большей частью неуместно; 4) для того чтобы избежать ложных выводов о связях между переменными, следует разводить предполагаемые причины и следствия во времени и измерять не только предполагаемые причины, но и теоретически допускаемые ковариаты, т. е. производить измерение переменных заведомо с избытком.

Как правило, сложность исследования в психологии личности такова, что даже эти минимальные требования не удается выдержать, и постпозитивистской психологической науке не удается реализовать свои исследовательские замыслы. В большинстве случаев авторы лишь показывают корреляционные связи между изучаемым личностным свойством и уже валидизированными чертами.

В следующем разделе кратко изложены результаты исследовательской программы, связанной с обоснованием одной из новых единиц анализа личности и вдохновленной серией исследований по обоснованию когнитивных и мотивационных единиц анализа личности, выполненных в 90-х гг.³⁷.

Личность в динамике: личностные изменения под влиянием обыденных затруднений

³⁵ Sobel M.E. Causal inference in the social and behavioral sciences // Arminger G., Clogg C. C., Sobel M. E. (Ed.) Handbook of statistical modeling for the social and behavioral sciences. – New York: Plenum Press, 1995. Pp.1-38.

³⁶ См.: Петровский В. А. Очерк теории свободной причинности // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии /Под ред. Д.А. Леоньева, В.Г. Щур. – М., 1997. С.124-144.

³⁷ См.: Buss D. M. and Cantor N. (Eds.) Op. cit.; Pervin L. A. (Ed.) Handbook of personality. Theory and research. – New York: The Guilford Press, 1990. Pp.693-720.

Исходное предположение этого исследования состояло в том, что личностные свойства не заданы раз и навсегда от рождения, а активно формируются в сотрудничестве с жизненными обстоятельствами, в процессе преодоления человеком проблем. Идея состояла в том, чтобы исследовать объяснительные возможности опыта переживания обыденных затруднений как единицы анализа личности.

Теоретическое обоснование этой единицы строилось на анализе понятия психологической проблемы как одного из источников личностного изменения, на оповседневивании этого понятия и построении эмпирически проверяемой модели, демонстрирующей роль новой единицы анализа в целостной структуре личности.

Анализ понятия психологической проблемы позволил выделить два ее необходимых признака: ее субъективное переживание и биографическую значимость. Переживание может рассматриваться как эмоция, а также в более специальном значении, которое обсуждается в работах Ф. Е. Василюка (внутренняя работа по изменению или переосмыслению ситуации³⁸). Наряду с аффективным переживанием проблемы имеет и когнитивный компонент: переживается лишь та проблема, которая может быть представлена в сознании, пусть даже искаженно. Когнитивную природу имеют причины поведения (они суть функция восприятия реальности), реакция на события (осмысление обстоятельств), а также связь между причинами и реакциями. Когнитивная переработка события признается важным компонентом реакции человека на затруднительную ситуацию³⁹.

Вторым необходимым признаком психологической проблемы является ее *биографическая значимость*. Проблемы возникают в пространстве и времени жизненного пути, в целостной жизненной ситуации. Они вызывают пролонгированные психические состояния, изменяют жизненную перспективу человека, видение прошлого и будущего, автобиографическую реконструкцию жизни, восприятие других жизненных обстоятельств. Выделяются два аспекта биографической значимости: временной и структурный. Временной аспект означает, что психологическая проблема имеет предысторию (хотя бы латентную), значительную длительность переживаний и оказывает влияние на последующий жизненный путь человека. Структурный аспект биографической значимости психологических проблем означает их свойство широко вовлекать внутренние ресурсы человека, влиять на осознание других жизненных обстоятельств, изменять социальные связи, модифицировать относительно устойчивые свойства личности. Структурный аспект биографической значимости имеет прямое отношение к тяжести переживаний по той простой причине, что изменение одного когнитивного элемента влечет за собой изменение других.

С точки зрения экологической и конструктивистской теорий знания психологическая проблема представляет собой продукт дискурса, участники которого встревожены наличной ситуацией и рассматривают возможность ее изменения. Для того чтобы проблема "существовала", необходимо, чтобы она была высказана одним и принята другим (реальным или воображаемым) коммуникатором, например психотерапевтом⁴⁰.

До сих пор в психологической литературе прослеживается диспропорция между исследованиями экстремальных и обыденных ситуаций в пользу первых. Каноны позитивистских исследований требуют ясных, хорошо идентифицируемых однозначных объектов, и такими объектами являются экстремальные, часто искусственно создаваемые ситуации и состояния. Даже в практической психологии методологическое обеспечение

³⁸ Василюк Ф. Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). – М., 1984.

³⁹ Lazarus R. S. Theory-based stress measurement // Psychological Inquiry. 1990. No.1. Pp.1-13.

⁴⁰ Rosengard C., Chinsky J. M. Psychotherapy as a conversation for change // Chinsky, J. M., Nadler A. (Eds.) Self change: Social psychological and clinical perspectives. – N.Y.: Springer Verlag, 1993. P.202.

деятельности и обучения строится на материале экстремальных состояний. Клиенты психологических консультаций сами являются экстремальной группой, ведь решение об обращении к психологу принимается лишь немногими людьми, столкнувшимися с личностными затруднениями. Экология психологического знания формируется в основном данными, полученными в нетипичных ситуациях (в психологической консультации, в научной лаборатории и т. д.).

Под повседневностью или обыденной жизнью в философии и социологии понимают субъективные переживания, длительные или повторяющиеся жизненные ритмы, подвижные формы рациональности (жизненной мудрости), типичные практические действия, а также правила и нормы, зафиксированные в обычаях и языке⁴¹. Обыденная жизнь есть результат оповседневнивания нового. Так, травмирующие события переосмысливаются как обычные, свойственные также другим людям, переплавляются в формы народной мудрости, размываются в потоке времени, осаждаются в жизненный опыт. Именно "...повседневность выступает в качестве сферы, где собираются смысловые осадки"⁴².

Все это заставляет искать иное, более "обыденное" понятие для состояний субъективного неблагополучия. Таким является понятие *затруднения*. Оно обладает основными признаками психологической проблемы – необходимостью переживания и биографической значимостью, – однако в отличие от проблемы, *затруднение не требует внешнего признания и часто не предполагает какого-либо дискурса и какой-либо специальной работы* по его преодолению, что, конечно, не исключает внутренней работы вообще. Обыденное затруднение – это часто встречающаяся в популяции индивидов и на протяжении индивидуального жизненного пути затруднительная ситуация, из-за распространенности не воспринимаемая индивидом как чрезмерная и потому не требующая специальных усилий по совладанию с ней. Индивид проводит различие между проблемой и обыденным затруднением, используя механизмы социального сравнения. Он оценивает ситуацию как экстремальную и предпринимает соответствующие шаги тогда, когда она выглядит чрезмерной в сопоставлении с совокупным коллективным или индивидуальным опытом.

Смещение фокуса с изучения переживания экстремальных событий на изучение переживания обыденных затруднений кажется продуктивным по многим причинам. Во-первых, повседневные заботы вроде насморка, ухода в отпуск и т. д. более *предсказательны* по сравнению с критическими жизненными ситуациями в отношении уровня дистресса, переживаемого индивидом⁴³. Во-вторых, экстремальные события "одномерны" в смысле их единичности, уникальности. Напротив, повседневные затруднения "*многомерны*", множественны, типичны. Индивид может одновременно сталкиваться с несколькими затруднениями, взаимодействующими между собой. Известно, что измерение множества релевантных переменных повышает внутреннюю валидность исследования. В-третьих, критические жизненные события случаются в мире однонаправленного и прерывистого времени. Возврата к прошлому нет, жизнь делится на этапы крупными событиями. Напротив, реальное время жизни наполняется повседневными событиями, оно *гетерохронно и обращено*⁴⁴. В-четвертых, использование понятия критических жизненных событий предполагает детерминистское причинное описание. Для обычных затруднений причинность не обязательна, и если она все-таки устанавливается исследователем, то, скорее, в *стохастическом* смысле. В-пятых,

⁴¹ Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности // Социо-логос. – М., 1991. С. 39-50; Шюц А. Структура повседневного мышления // Социол. исслед. 1988. №2. С.129-137

⁴² Вальденфельс Б. Указ.соч. – С. 47.

⁴³ Lazarus R. S. Theory-based stress measurement // Psychological Inquiry, 1990. No.1. Pp.1-13.

⁴⁴ Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. №6. С.46-57.

биографическая значимость критических жизненных событий часто *переоценивается* вследствие их большей заметности не только для исследователя, но и для информанта. Акцент на критических жизненных событиях провоцирует использование исследователем эвристических *каузальных схем* вроде "подобное порождается подобным" (у больших страданий должны быть большие причины). В-шестых, исследование повседневности имеет большую экологическую и внешнюю валидность, поскольку обыденные ситуации повсеместны, а с экстремальными сталкиваются немногие.

Поэтому основным положением исследования стало представление о том, что одним из основных ресурсов личностных изменений является переживание неэкстремальных событий, формулирующее личностный опыт. Эта позиция близка представлениям о персонотипной ситуации развития Я.Л.Коломинского⁴⁵. Однако в данном исследовании акцентируются лишь обыденные затруднения индивида. Переживание затруднения – это *проживание* целостной жизненной ситуации, предполагающей сотрудничество самого индивида с обстоятельствами, социальное партнерство и социальное сравнение. Внимание обращено не на стратегии преодоления трудностей, а на результат превращения (кристаллизации, осадения) действий переживания в личностный опыт. Это соответствует второму значению понятия "переживание": не ограниченная во времени внутренняя работа, а опыт как итог этой работы. Именно опыт имеет бытийный смысл никогда не кончаться, поскольку преобразуется в биографическую реальность и в конечном счете – в структуру личности. Слово *опыт* призвано подчеркнуть продолжительность и кристаллизованность переживаний, роль прошлых жизненных обстоятельств в актуальной ситуации (опыт как прошлое), а также приобретение личностью ресурса (опыт как знания, умения). Поскольку личность характеризуется единством и согласованностью поведения не только в разных жизненных обстоятельствах, но и во времени, детерминирующие связи между "компонентами" личности должны проследиваться в индивидуальной биографии.

На основе этих рассуждений был сформулирован ряд частных гипотез. Во-первых, факт переживания проблем в биографическом прошлом должен напрямую изменять вероятность последующего переживания затруднений. Во-вторых, должны быть показаны переходы переживания затруднений в прошлом в более устойчивые личностные образования, а также обратное влияние личностных свойств на актуальное переживание затруднений. Стабильность личностных черт весьма условна и скорее является следствием нечувствительности исследовательских процедур.

Эти утверждения были проверены⁴⁶ на эмпирических данных, полученных от 777 мужчин и женщин в возрасте от 16 до 83 лет. Основную часть инструментария составили вопросы о наличии шестнадцати обыденных трудностей. Сначала испытуемых просили отметить в списке те затруднения, с которыми они сталкивались в прошлом. Затем следовало указать возраст, в котором затруднение имело место. В итоге, данные о переживании психологических затруднений в биографическом прошлом были собраны ретроспективно. Затем испытуемые должны были отметить затруднения, актуальные на момент опроса. Для психометрического измерения устойчивых свойств личности использовался тест MiniMult, рестандартизованный Сивухой С. В. и Максютой Г. В. Свойства личности были выделены в факторном анализе утверждений этого теста. Были

⁴⁵ Коломинский Я. Л., Жеребцов С. Н. Феноменологические аспекты персонотипной ситуации развития // Психология. 2000. №1. С.90-99.

⁴⁶ Ограниченность объема главы вынуждает автора нарушить каноны постпозитивистского изложения и умолчать не только о важных деталях организации исследования, но и отказаться от графического представления модели и опустить таблицу со структурными коэффициентами. В каждой из моделей оценено по 29 параметров. О сложности статистического анализа можно получить представление из статьи: Литтл Т. Д., Гордеева Т. О. Применение метода структурного моделирования для анализа кросскультурных данных // Психол. журнал. 1997. Т.18. №4. С.96-108.

идентифицированы 5 новых, неклинически ориентированных шкал: 1) "Самочувствие", 2) "Удовлетворенность жизнью", 3) "Эмоциональная возбудимость", 4) "Враждебность", 5) "Самообвинение". Конфирматорный факторный анализ этих черт позволил выделить два фактора второго порядка – "Субъективное благополучие" (шкалы 1 и 2) и "Социальная уязвимость" (шкалы 3,4,5). В модель были также включены 4 "психологически близких" затруднения: а) неудовлетворительные отношения и конфликты с близкими и родными, б) неудовлетворенность собой, в) развод или разрыв с любимым человеком, безответная любовь и г) одиночество. Прошлые затруднения трактовались как независимые переменные, а актуальные затруднения – как зависимые (экзогенные) переменные.

Всего оценено четыре модели, по одной для каждого актуального затруднения. Модели причинно-следственных связей между обыденными затруднениями и психометрическими свойствами личности оценивались с помощью структурных уравнений с латентными переменными, методом взвешенных наименьших квадратов⁴⁷. Отношения между переменными в модели представлены структурными параметрами. Слово "структурные" означает, что параметры *предположительно* отражают каузальные связи между переменными. Анализ проводился в программе LISREL7. Результаты оценки всех четырех моделей приемлемы по конвенционально принятым статистическим критериям.

Значимые структурные связи между прошлыми и актуальными психологическими проблемами единичны и содержательно специфичны. Например, опыт переживания неудовлетворенности собой в прошлом повышает вероятность переживания *того же* затруднения в настоящем; опыт несчастной любви в прошлом повышает риск любовных затруднений в настоящем; переживание одиночества в прошлом позитивно связано с переживанием одиночества в настоящем. Полученные результаты согласуются со здравым смыслом: биографическим сюжетам свойственна повторяемость, мы часто воспроизводим одни и те же ошибки, сталкиваемся с одними и *теми же* проблемами. Эти эффекты намного сильнее эффектов генерализации (переноса опыта прошлого переживания затруднений на актуальное переживание *другого* затруднения). Прямые связи между переживанием содержательно разных прошлых и актуальных затруднений избирательны. Возможная интерпретация более выраженного переноса переживаний одних и тех же обыденных затруднений из прошлого в настоящее состоит в том, что жизненные обстоятельства обладают инерционностью. Тот, кто испытывал неудовлетворенность работой или сталкивался с жилищными трудностями в прошлом, вполне может переживать эти затруднения и сейчас только потому, что новую работу и тем более новые источники доходов найти нелегко. Корректное научное исследование даже таких психологических вопросов, как связь между переживаниями и устойчивыми свойствами личности, требует учета большого количества внепсихологических факторов.

Влияние переживания обыденных затруднений в прошлом на стабильные психометрически измеряемые личностные черты, его направленность и сила специфичны для различных затруднений. Наименьшее влияние на свойства личности оказывает прошлое переживание неудовлетворенности собой, наибольшее – прошлое переживание по поводу напряженных отношений с близкими и родными. Психометрические свойства личности оказываются по-разному нагружены опытом переживания прошлых затруднений. Особенно чувствителен к опыту переживаний фактор "Субъективное благополучие" – по сути, суммарное выражение личного опыта. В целом результаты говорят о том, что устойчивость личностных черт имеет условный, относительный характер. Они устойчивы либо на небольших временных отрезках, либо – если

⁴⁷ Bollen K. A. Structural equations with latent variables. – N.Y.: John Wiley & Sons, 1989; Jöreskog K. G. and Sörbom D. LISREL 7. User's reference guide. Mooresville: Scientific Software, Inc., 1989.

рассматривать в контексте целостного жизненного пути – относительно более динамичных индивидуальных особенностей.

Поразительно высоки структурные коэффициенты связей между личностными факторами и актуально переживаемыми затруднениями. Из восьми коэффициентов статистически значимы пять. Принципиальная новизна полученных результатов состоит в том, что эффект "личностные черты → переживание затруднений" был оценен как часть более сложной причинно-следственной цепи "прошлый опыт переживания затруднений → личностные черты → актуальное переживание затруднений". Эти эффекты были оценены одновременно и на основе одних и тех же данных, что значительно уменьшило вероятность получения случайных, артефактных результатов, обусловленную внутренней невалидностью модели, т. е. неучтенностью каких-либо факторов и процессов. Таким образом, превращение переживаний в личностные свойства и обратно, разворачивающееся в индивидуальном биографическом времени, показано достаточно убедительно.

Смешанные чувства, заменяющие заключение

В предыдущем разделе рассмотрены логика и некоторые результаты эмпирической валидации новой единицы анализа личности – опыта переживания обыденных затруднений. В зависимости от позиции, которой придерживается читатель, к этим результатам можно относиться либо как к большому успеху (все-таки на большой выборке оценены четыре сложнейших модели), либо как к грандиозной неудаче (если посмотреть на вещи прагматически).

В этом разделе будет рассеяна даже та толика определенности, которая присутствовала в предыдущем тексте. Если в представленной работе и есть что-то поучительное, то вовсе не открытие нового в личности, а скорее то, насколько изобретательно это новое противится обнаружению. Раздел построен как диалог с воображаемыми критиками, исключительно потому, что с воображаемыми собеседниками спорить легко.

Гуманистически настроенные психологи могли бы сказать, что приведенные в предыдущем разделе результаты исследования имеют отвлеченный, номотетический характер. Модель, связывающая переживание затруднения в настоящем с опытом переживания затруднений в прошлом и "стабильными" чертами личности, позволяет предсказать вероятность наступления этого события для конкретного индивида, однако она слишком обща. Возможно, дело в том, что в модель не были включены многие важные опосредующие переменные – давность переживаний, пол, возраст, образование, место жительства. Но не только. Символические модели в науке всегда лживы в том смысле, что они представляют собой предельно упрощенные представления, абстракции. Для более или менее успешного идеографического предсказания пришлось бы измерить множество индивидуальных характеристик и жизненных обстоятельств. Затраты на эти измерения ставят под сомнение выгоды, полученные от предсказания.

Идеографическое исследование возможно и желательно, но является ли оно продуктивным? Высокой степени идеографичности в описании своих клиентов достигают психотерапевты – но не потому ли, что достигают ее в процессе длительного *сотрудничества* с клиентом, выступая не как наблюдатели, а как соавторы? И в какой степени получаемое знание генерализуемо? Не следует ли его рассматривать как непереносимую (невыносимую) мудрость? И потом, насколько предсказательным является глубокий анализ единичного случая? Не связана ли, например, убедительность разбора известного случая Эллен Уэст с тем, что этот анализ проведен *апостериори*? И если бы сколь угодно полный материал об индивидуальной судьбе был предсказательным,

так ли поразительны были бы журналистские истории о *необъяснимых* поворотах жизненного пути известных спортсменов или исполнителей главных ролей в советских фильмах для детей?

Специалисты по измерению и планированию исследования могли бы считать представленные результаты неубедительными и тавтологичными, например, потому, что данные о прошлых затруднениях собраны ретроспективно, и эта информация искажена схемами автобиографической памяти, актуальными на момент исследования. Последний упрек может быть принят ровно настолько, насколько мы вообще можем верить методологически тщательно выверенному измерению в психологии (с использованием множественных индикаторов, интервальной шкалы, хорошо операционализированных понятий), очищающему жизнь от случайностей. Другие упреки должны быть приняты без оговорок. Ретроспективный сбор информации основан на нарративном конструировании автобиографии, а видение респондентами "фактов" их собственной жизни меняется в зависимости от изменяющихся обстоятельств. Другое дело, что можно дискутировать по поводу продуктивности коллекционирования "фактов" без их постоянной реинтерпретации. Здесь более убедительно конструктивистское понимание личности и его сочетание с постпозитивистским подходом.

Специалисты по психологическому эксперименту могут заметить, что полученные "эффекты" слабы, т. е. масштаб изменений, вызываемых независимыми переменными, незначителен. Психология и так переполнена констатациями различий или корреляций, статистическая значимость которых едва превышает конвенционально принятый порог. Эту ситуацию можно обозначить как экологическую катастрофу, потому что ошибочно установленные закономерности подобны быстро растущей мусорной свалке. С другой стороны, можно возразить, что слово "эффект" заимствовано из экспериментального, манипулятивного языка, а в специально спланированных экспериментах эффект заведомо больше. И даже внутри экспериментальной психологии доля исследований с большими эффектами невелика, если учесть политику ведущих журналов печатать "видные" работы.

Читатель мог также отметить определенное лукавство в теоретическом обосновании исследования и в формулировках гипотез, которые приобрели окончательный вид после того, как стали ясными возможности данных. Вообще говоря, подобное лукавство свойственно научным исследованиям и, как правило, вовсе не связано со стремлением обмануть читателя. Как обсуждалось ранее в связи с постмодернистской критикой позитивистской науки, исследователь не может освободиться от предварительного знания, предконцепций. Использование литературных источников, обзор актуальных теорий и использование здравого смысла в науке легитимны, независимо от идеологии ученого. Даже статистическая нуль-гипотеза, которая по канонам формулируется априорно, до получения эмпирических данных, не может быть очищена от накопленных знаний. Что касается содержательных гипотез, они приобретают законченные формулировки только тогда, когда полученные результаты осмысливаются и помещаются в общий контекст. Слова, ведомые заботой о смысле и логичности и управляемые внутренним устройством языка, выстраиваются в неслучайные последовательности. В этом можно увидеть конструктивистский умысел и сделать его предметом обсуждения, как это делает К. Джерджен в критическом анализе традиционной психологии, но следует отметить, что подобный же умысел усматривается и в его собственных текстах.

Наконец настало время обратить внимание на главную особенность проведенного исследования – его маргинальный характер, проявившийся в измерении внутренних переменных (не поведения) и привлечении сомнительных с точки зрения позитивизма логических ходов. Сам по себе выбор событий обыденной жизни в качестве предмета исследования был заведомо не выигрышным для позитивистской затеи. Дело в том, что какая-то заметная доля уверенности может быть достигнута лишь в отношении

экстремальных форм поведения. Действительно, стабильных результатов можно ожидать только от спортсменов высокого уровня, асоциального поведения – от людей с выраженной склонностью к нарушению социальных норм, а выдающихся научных результатов – от одаренных ученых. Другими словами, люди, склонные к экстремальным формам поведения, с большей вероятностью будут вести себя также аномально и в будущем, хотя и в этом случае нельзя быть целиком уверенными в том, что показанный ранее уровень достижений сохранится. Эта закономерность известна в статистике как регрессия (возврат) к среднему, и люди, знакомые со статистическими закономерностями, не опечалятся тем, что самые неспособные на момент первого тестирования все же улучшат свои результаты ко второму измерению, а самые способные, напротив, ухудшат свои показатели. Регрессия к среднему является следствием того, что мир сложен, в нем одновременно действует множество сил. На языке психологии то же самое можно выразить словами "личность пластична". По поводу неуверенности предсказания поведения сокрушаются люди, не знакомые со статистикой, но, вероятно, сам по себе этот факт должен заставить нас переосмыслить научные и практические притязания. Знание закономерностей, выступающих в форме статистического закона регрессии к среднему, позволяет нам оценивать свои возможности и избегать бессмысленных вопросов.

Какова прагматическая ценность подобных частных академических исследований? На этот вопрос нельзя ответить односложно. Теория и практика развиваются независимо, но в то же время оказывали постоянное влияние друг на друга, ревностно реагируя на сам факт присутствия иного лагеря, иного языка, иной карьеры, иных идеалов. Однако прямые и непосредственные влияния проследить трудно. Реконструируя историю человечества, нам свойственно заселять ее мощными и мистическими фигурами. Реконструируя развитие науки, мы совершаем аналогичную ошибку, систематически переоценивая роль отдельных авторов, фактов и теорий. В действительности наши научные и околонучные представления о мире и о человеке более разнородны и запутанны. Может быть, как вавилонская библиотека у Борхеса, в которой можно найти решительно все, если просмотреть все беспорядочно расставленные книги. Трудно предсказать заранее, что может пригодиться и будет востребованным. Как и многие другие психологи, автор длительное время воспринимал социометрию в ее современном варианте, со сложной математикой, блочным моделированием и логистическими регрессиями, как академическую забаву. Однако после нападения террористов на Всемирный торговый центр в Нью-Йорке и Пентагон серьезная газета "Washington post" 17 сентября 2001 г. напечатала статью, в которой обсуждалась эффективность анализа социальных сетей для борьбы с террористическими организациями. Статья вызвала невиданную по масштабу реакцию западных исследователей.

Если не удалось получить видимой выгоды от данного частного исследования личности, следует изменить направление поиска, например, проверить валидность автобиографических повествований, или возможных "Я", или личных проектов, или личностных конструкторов. Постмодернистские идеи и фантазии здесь очень уместны. Что касается постпозитивизма, он может быть полезен для *критической оценки* новых проектов.